

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. В. Кондратьев

Реформация Университета

Когда христианские миссионеры приехали в Индию, рассказывает Шеллинг, они стали проповедовать местным жителям своего Бога, ставшего человеком. Искренне веруя, что сообщают нечто неслыханное, они думали удивить этим индусов, поразить их воображение уникальным событием. Но в ответ была тишина. Индусов не удивило, что Бог воплотился в истории – их удивило лишь то, что у христиан он воплотился лишь единожды, тогда как индийские Боги воплощаются постоянно. «Нельзя отрицать, – иронично комментирует Шеллинг, – что у них было больше понимания христианской религии, нежели у христианских миссионеров – индийской» (с. 83).

Западный университет, выросший внутри христианского богословия, был бы понят индусами ещё меньше. Исторически так сложилось, что наука на Западе раздробилась и утратила внутреннее единство. Вместо живого и целостного мировоззрения она превратилась в формально-педагогическую систему, призванную дипломировать невежество, культивировать механическую память, возвращать стерильную пошлость методом обычного прилежания. Да, «университетам принадлежит та честь, что они главным образом сдерживали поток врывающейся в науку неосновательности, который ещё более увеличился благодаря новейшей педагогике; но, с другой стороны, как раз пресыщение их скучной, обширной и никаким духом не оживлённой основательности и открывало этому потоку основной доступ к науке» (с. 29).

Чтобы понять глубину трагедии, вспомним о смысле понятия «педагогика». В Древней Греции «педагогом» именовали раба, берущего за руку юного аристократа и ведущего его в святилище знаний. Он доводил его до стен Академии, а затем передавал «с рук на руки» истинному учителю: роль педагога на этом заканчивалась. Сегодня, напротив, педагогическая система не только самочинно вмешивается в образование, но даже отождествляет себя с этим образованием, претендуя на монополию в области Знания.

«Лекции о методе университетского образования», прочитанные Шеллингом в Йене в 1802 году, предлагают взглянуть на Университет иначе. С точки зрения не раба, не наемника, но сына науки – с позиции Изначального Знания (Urwissen), заключающего в себе Всеобщее и Абсолютное.

Изначальное Знание предшествует времени. «Всякое знание, которое <...> не относится к Празднику, не имеет реальности и значения. <...>. Всякая мысль, которая не продумана в духе Единства и Всеобщности (Ein- und Alleinheit), сама по себе пуста и негодна; то, что не в состоянии гармонично вступать в это движущееся Целое, есть мёртвый осадок, который раньше или позже будет вытолкнут органическими законами; конечно, и в царстве Науки достаточно бесплодных пчёл, которые, поскольку им отказано производить, размножаются посредством неорганических отложений своей собственной бездуховности» (с. 8).

В советское время Университет был кузницей партийных кадров. Фундаментальное образование было фундаментальным, от Университета веяло некой кастовой элитарностью. Затем, в годы перестройки, всё подверглось тотальной инфляции. Она сопровождалась избыточной эмиссией «университетов», продажей в подземных переходах ксерокопированных дипломов, сменой вывески «техникум» на гордое «Университет».

Университетов стало до неприличия много. В них преподавали вчерашние рабфаковцы, бывшие комсомольские активисты и партийные функционеры и вообще все, кто по какой-то причине не поддавался стадному импульсу и не «рванул» в коммерцию. В ряде случаев это были действительно достойные люди, не принявшие рыночного уклада и укрывшиеся от торгашеской жизни в стенах образовательных заведений.

Но коммерция нагрянула и туда. Фундаментальное образование пользовалось спросом. Чиновники «временного правительства» угрюмо коллекционировали дипломы и аттестаты: находиться в Госдуме и не иметь докторской степени казалось совсем неприличным.

Дипломированный «конфуцианский» чиновник – это не самое худшее. Это знак того, что университет есть часть государства, а высшее образование по-прежнему ценится. Инерциальная память о государстве Платона, управляемого коллегией философов.

Страшнее другое – понятие университета рушится изнутри. В стенах «Альма Матер» появляется «факультет» журналистики, «факультет» менеджмента, и даже явление «пиар»: склизкий фантом коммерции расшатывает древние стены. Если бы Шеллинг увидел всё это, он бы говорил уже не о «бесплодных пчёлах», а о бактериях, вирусах и «удивительно плодовитых тараканах».

Спор факультетов: вся власть религиоведам!

Истинное Знание может быть только одно. Это – Изначальное Знание, Urwissen. Выйти на этот уровень можно методом медитации, или, как выражается Шеллинг, путём «интеллектуального созерцания» («бессознательного раздумья»). Тут Шеллинг использует совершенно непере译имое немецкое слово «Brüeten». Почти никто из современных немцев этим словом не пользуется, и даже переводчик Иван Фокин, подготовивший данное издание «Лекций...», оставляет его в оригинале (с. 65). Это, наверное, правильно.

Из этого Изначального Знания все науки проистекают и в него же они возвращается. Им располагали древнейшие народы Востока, оно было воспринято эзотерическими учениями христиан, полностью отброшено в эпоху «новейшего Просвещения (Aufklaererei), которое в отношении христианства можно назвать скорее Затемнением (Ausklaererei)» (с. 84), а затем восстановлено в германской идеалистической философии – в системах «христианских неоплатоников» вроде Гегеля и самого Шеллинга.

Как верно заметил Иван Фокин, смысл немецкого идеализма – прежде всего религиозный. И Гегель, и Фихте, и Кант и, тем более, Шеллинг – это, прежде всего, лютеране. Мистика Бёме и Реформация Лютера – это два ключа к немецкому идеализму, существовавшие наряду с третьим ключом (неоплатоническая философия Плотина и Ямвлиха) как теологическое обоснование философии. Именно поэтому Шеллинг и говорит, что высшая

точка зрения – это признание Божественного Провидения или точка зрения религиозная (с. 91), а теология – это «подлинный центр объективного становления философии» (с. 72).

При этом никто не обращает внимания, что под теологией Шеллинг подразумевает отнюдь не схоластическое богословие, но нечто иное – науку о религии, или религиоведение. В эпоху, когда читал свои лекции Шеллинг, слово «религиоведение» ещё не вошло в широкое употребление, и потому он призывает к созданию «подлинно исторической Науки о религии, или *Теологии*» (с. 80), которая и должна стать вершиной всего научного здания. Именно ей, молодой в ту эпоху религиоведческой дисциплине, Шеллинг предлагает даровать право первородства в устройении университета, сделав главным из факультетов именно факультет религиоведения.

Вся замышленная им «реформация» предполагает учреждение пяти факультетов, главным из которых должен стать факультет Теологии, или Науки о религии. Вот как обосновывает это сам Шеллинг: «Первой наукой, объективно представляющей пункт абсолютной индифферентности, будет непосредственная наука об Абсолютной и Божественной сущности, т. е. *теология*. Из двух других та, которая берёт на себя реальную сторону философии и внешне её представляет, будет наукой о природе, *естествознанием*; поскольку же она концентрируется не только на природе организма вообще, но может быть по отношению к организму также и позитивной (что в дальнейшем будет рассмотрено ближе), то она будет наукой об организме, т. е. *медициной*. Та, которая объективирует в себе идеальную сторону философии, будет вообще наукой *истории*; поскольку же самым главным делом последней является образование правового устройства, она будет наукой о праве, или *юриспруденцией*» (с. 69–70).

Это поистине грандиозный проект. Такого университета не существовало до Шеллинга, как не возник он и после него. Вряд ли кому-нибудь покажется странным, что именно факультет философии, главным оракулом которой и считал себя Шеллинг, в списке задуманных им факультетских образований мы не находим. Причина тому проста. Шеллинг говорит, что «такого факультета нет и быть не может, и вот совершенно простое доказательство: то, что является всем, именно поэтому не может быть ничем в особенности, а также потому, что философия – это свободное объединение (*Verein*)» (с. 70). Шеллинг планировал воссоздавать эти гильдии, именуя их по старинке «*Collegium Artium*», а самих адептов философского гнозиса – «артизанами», то есть, людьми искусства. Никаких «докторов наук» в этих вольных философских ферейнах не предполагалось: высший носитель знания должен был лишь соответствовать миру идей. Он именовался магистром (*Magistros*) – быть может, от слова «маг». Он-то и должен был стать главным теологом (религиоведом) – в модели, предложенной Шеллингом.

Это, конечно, была утопия. После прочтения Шеллингом лекций в Гейдельберге, в Тюбингене и, тем более, в Йене факультеты философии никто закрывать не стал. «Чтобы достичь абсолютной формы, дух должен испытать себя во всех формах – это всеобщий закон всякого свободного образования» (с. 52). По этому же закону шеллинговская реформа попала в

историю как одна из попыток Реформации, одна из формальных оболочек, своевременно не замеченных коварным и «хитрым духом».

Однако идея всецелого религиоведения, исходящего из идеи Бога и грядущего в силу этого стать главнейшим среди факультетов – эта идея поистине гениальна. После провала марксистской революции, звавшей искоренить всё священное ради «новой пролетарской культуры», именно знание о Священном должно стать спасительным для университета. Именно религиоведение как глубинное знание всех религий, их мистерий и практик, их спасительного и оккультного – именно религиоведение должно стать последним оплотом университета, первым из факультетов которого должен стать факультет Науки о религии. Университету профанного, ветхого и позитивистского знания должен прийти на смену Университет Священного, ибо «в наивысшей Науке всё едино и связано, природа и Бог, наука и искусство, религия и поэзия» (с. 66), а сама «История есть прояснившееся таинство (laut gewordene Mysterium) Божественного Царства» (с. 75).

Эзотерический реванш

Эти мистериально-гностические интонации совсем не случайны. Шеллинг, как верно заметил переводчик и составитель, был одним из крупнейших философов-мистиков, эзотерика его текстов до сих пор не исследована, хотя об «оккультных истоках романтизма» существует немало добротных книг.

Та древнейшая мудрость (prisca philosophia), которой, по мнению Шеллинга, владели в древности, была достоянием «пра-народа» (Urvolk), то есть предков германской расы, вышедших, по его представлениям, откуда-то с Востока – то ли из Индии, то ли из Древнего Ирана. Этому небольшому по численности пра-народу была присуща огромная сила великого мировоззрения, сводящая религию с философией в единое древнейшее таинство. Призывая своих адептов скорейшими методами возродить этот «древний национальный характер» (с. 48), с нескрываемой насмешкой презрения Шеллинг рассказывает нам о тех историках, для которых древнейшая форма жизни представляется диким варварством – по образцу аборигенов Мадагаскара или каких-нибудь Тробрианских островов. Напротив, декларирует Шеллинг, «всякое состояние варварства произошло из погибшей культуры. Будущим усилиям исторической геологии предоставлено показать, что и эти народы, ныне живущие в состоянии дикости, лишь оторваны от связи со всем миром из-за революций, частью рассеяны и, утратив достигнутую когда-то ступень культуры, впали в теперешнее состояние» (с. 73).

Это первичное, оккультно-мистериальное состояние, «мифологическая эпоха» или «солнечное детство человечества», было эпохой полнейшей религиозности: чистое знание Бога, чем-то невинное и по-детски незамутнённое, было основой тогдашнего умозрения, пробуждавшего пра-народ к его новым героическим свершениям.

Эта история длилась тысячелетия. Но, что важно, истинные истоки её находятся вне Европы – их следует искать далеко на Древнем Востоке. «Начиная от Протагора и далее до Платона, философия сознаёт себя экзотическим растением на греческой почве; это чувство выразилось впоследствии во всеобщем стремлении, которое привело тех, кто посвящён

в мудрость данных философов или в мистерии древних учений, к родине Идей, к Востоку» (с. 128). Этот ход мысли был общим для многих христианских теософов, верных Богу в лице Христа, но при этом предельно терпимых к самым разным теологическим Откровениям – в духе тех же самых индусов, с повествования о которых мы начинали своё изложение.

Разумеется, у терпимости мистика есть существенные отличия от терпимости разъярённого правозащитника, для которого момент уникальности совершенно враждебен и непонятен. Шеллинг и многие другие христианские теософы вовсе не призывал к тотальной унификации, к «зачёсыванию» всех религий под одну индифферентную гребёнку, к искажению теологий во славу прав «среднего человека», не верящего ни в чёрта, ни в Бога, но только в одного себя. Напротив, главная идея реформации университета Шеллинга есть создание той трибуны, на которой носители разных духовных взглядов, представители всех религий и мировоззрений, занялись бы живым философским общением – ради поиска Абсолютной Религии, близкой вере древнейших предков, Изначальному Знанию пра-народа.

В окончательном религиозном синтезе, провидцем которого считал себя Шеллинг, проявилась бы та эзотерика, содержанием которой были живы древнейшие культы истории, и которая составляла основу как платоновской философии, так и внутренне-христианского богопознания. Визионерски Шеллинг предсказывал, что по мере продвижения к метаисторическому финалу, «<...> эзотерическое должно выступить на первый план и, освобождённое от своего покрова, светить для себя. Вечно живой дух всякого образования и творения облачит его в новые и более прочные формы, ибо у него достаточно противоположного Идеальному материала, Запад и Восток ещё больше сближены в одном и том же образовании, и везде, где соприкасаются противоположности, зажигается новая жизнь. <...> Поэзия требует религии как высшей и даже единственной возможности поэтического применения, философия <...> добилась истинной точки зрения для религии, упразднив эмпиризм и подобный ему натурализм не только партикулярным, но и всеобщим образом, и подготовила в себе возрождение эзотерического христианства, как и возвешение абсолютного Евангелия» (с. 89).

«Абсолютное Евангелие» в языке Шеллинга – это вовсе не данный в истории текст, но скорее – новый Эон, то, что знали под именем «вечного Евангелия» величайшие мистики – Иоахим Флорский, Бернард Клервосский и Ориген. Это Вечное Евангелие, грядущее с Востока, как Солнце и Откровение – оно должно захлестнуть своим светом весь мир, и тогда он преобразится, и мистическое сияние Славы станет явным для всех уголков Земли. И тогда не будет уже ни «докторов», ни «кандидатов», но будет Последняя Аттестация и самый Важный Экзамен. И вместо «билетов» там будут вопросы о Жизни и Смерти, и вместо «комиссии» – ангелы Божии, и вместо «дипломов» – сияния Огненной Реки. Для одних, стремившихся к Вечному Воссоединению (In-Eins-Bildung) экзамен тот станет Воротами Мудрости, а для других, нерадивых студентов и «хлебных учёных» (с. 31), многознающих, но не мудрых – для них тот Экзамен станет Великой Печалью.